

Ирина Сурина

ЖАМОЧКИНО-КРАПИВНЯ

В живописи, поэзии и воспоминаниях...

Ирина Сурина

Жамочкино-Крапивня.

В живописи, поэзии

и воспоминаниях...

«Издательские решения»

Сурина И.

Жамочкино-Крапивня. В живописи, поэзии и воспоминаниях... /
И. Сурина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902344-5

В литературно-художественный альбом Ирины Суриной вошли ее живописные полотна окрестностей и предметов быта летнего загородного дома поэта Терентия Травника, его стихи и увлекательный рассказ автора альбома о жизни усадьбы Жамочкино-Крапивня и ее жителей.

ISBN 978-5-44-902344-5

© Сурина И.
© Издательские решения

Содержание

Жамочкино-Крапивня. Лучшее время жизни	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Жамочкино-Крапивня В живописи, поэзии и воспоминаниях...

Ирина Сурина

© Ирина Сурина, 2018

ISBN 978-5-4490-2344-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моей маме, Юлии Ивановне Швечковой посвящается...

Жамочкино-Крапивня. Лучшее время жизни

Каждый год, долгими осенними вечерами, сидя в своей московской квартире в Сокольниках, я провожу для себя выставку картин и... воспоминаний. Достāju зарисовки, этюды на холстах и картоне, расставляю их вдоль стен и всматриваюсь в это, теперь уже ушедшее, необыкновенное время – в мое художественное лето.

Многие знают, но все-таки напомним, что лето для художника пора особая. Нашему брату-артельщику много и не нужно, а вот свет – тот просто необходим! Нет, необходимы и свет, и цвет, но главное, конечно – это свет, а летом его, как говорится, предостаточно.

Как же это хорошо получилось, что дача моего учителя живописи находится совсем недалеко от моей. Что называется велосипед в руки и...

Ой, прошу прощения – велосипед в ноги, и вперед! Каких-то десять минут езды от моего дома до станции Шматово на велосипеде, там пару остановочек на местной электричке-кукушке до Сотниково, и вот они начинаются, эти замечательные места Приокско – Террасного заповедника, а если быть совсем точной, то самой его окраины. Но сегодня я своим ходом. Еду в Жамочкино с запада. Мелькнула в окне поезда старинная Спасо-Преображенская церковь (XVIII в.) села Верзилово.

Имение Верзилово связано с князем-декабристом Федором Петровичем Шаховским. О самой усадьбе Верзилово ходит много легенд: про подземные ходы, про призрака замурованной барской дочери Шаховского, про некоего Александра, которого убили и чей дух теперь бродит по парку... Ох, что-то задумалась опять! А вот и комфортабельные дома Нового Ступино, еще чуть-чуть и Сотниково. Выхожу из вагона, иду назад по насыпи к шоссе и любуюсь цветущим кругом золотарником. Вот он где – настоящий кадмий средний! Перехожу железнодорожную линию Сотниковского переезда, немного прохожу вперед, поворачиваю направо, и взору открывается большое поле с пасущимся на нем стадом коров – особой достопримечательностью этих мест. В моем альбоме хранится фотография, где Терентий, так зовут моего наставника, пасет коров вместе с двумя молодыми пастушатами. Не знаю, но вполне может быть, что именно в этих краях и родились когда-то строки его известного стихотворения, позже положенного на музыку композитором Владимиром Булюкиным:

*И пастушонок златокудрый
Стоит и смотрит на меня,
Простишь ли мне, мой дивный отрок,*

*Что я топчу твои поля.
А он лишь мило улыбнется
И побежит свояси прочь...*

Иду дальше: справа, вдоль железнодорожного полотна, березовая роща. Прозрачная, светлая, радостная! Знаю, что там всегда есть грибы, особенно много беленьких. Ныряю в березняк и теперь уже продвигаюсь к дому тенистой тропкой. В дымке за полем видна деревня с удивительно сказочным названием Крапивня (упоминается в летописях с 1577 года) и с не менее забавным именем центральной улицы – Кукуевской, заканчивающейся небольшим хуторком на выселках, где когда-то жила первый сторож местного садового товарищества Василий Андреевич. Несколько лет, как его не стало, и теперь хуторским хозяйством управляет его жена – баба Дуся.

Много дальше, на высоком месте, кстати одном из самых заметных мест юга Подмосковья, к востоку от Жамочкино, видна стройная, в три яруса колокольня Спасо-Преображенского храма села Бортниково, где служит отец Павел – бывший спортсмен, мастер спорта и чемпион мира по гребле на байдарке, участник боевых действий в Афганистане.

До чего же тихо кругом, и так привольно, так хорошо! Отец Терентия, Аркадий Павлович, звал эти места Вороньей слободкой, а Терентий – именищем «Жамочкино», и вот почему. Хорошо знаю, что Аркадий Павлович, как только дом отстроил, так стал его называть пряником или жамочкой. Сын подхватил идею сразу. Вот так, с его легкой руки, а точнее словца, и закрепилось Жамочкино в истории этих мест. Народ сюда приезжает все больше творческий: бывают ученые, писатели, музыканты, а то и артисты, но чаще художники. Последним сразу приглянулась эта идея. Разлетелось словцо по книжицам да по статейкам журнальным и прижилось, знать, полюбилось оно. Прямо старосветские и название, и настроение. Кругом приволье, простота, сошедшая сюда со страниц романов Тургенева и Лескова. Весело иду, напеваю что-то под нос, собираю грибы. Благодать! Обычно я прихожу в усадьбу с грибами. Меня здесь ждут и всегда радушно встречают. Вспомнилось из ранних травниковских стихотворений:

*Приехать на дачу пораньше весной,
Пока еще спят мои невидимки:
За шкафом сопит старожил-домовой,
И гномы свернулись в корзинке.*

*Спит старый Потап, сунув желудь под щеку
Спит Грин, укрывшись пучком из травы,
В рассохшейся вазе для фруктов спит Фёкла,
Спит Горя, и спят три Совы.*

*Окно приоткрыть, тишину выпуская
Погладить рукою буфет,
На лавочку сесть у крыльца и оттаять*

Хотя бы на несколько лет.

*Внимать баритонам шмелиных напевов
Шептанию прозрачных берез,
Черпнуть синевы из апрельского неба
И ею коснуться волос.*

*Поставить и пить свой чаек травяной
За ним написать пару строчек,
А вечером снова вернуться домой
С пригоршней смородины почек.*

Не знаю как для кого, а для меня дача моего друга – необыкновенная! Со старожиллом-домовым, приютившимся за шкафом, с басовыми напевами шмеля, напоминающего мармеладку, травяным чаем из сорванных у забора трав, и... далеким детским воспоминанием-ощущением обыкновенной сказки, растворенной прямо в воздухе, которым дышишь.

Все здесь неспешно-безмятежно: переливы-прятки солнечных лучей в листве, теплый ветер, ласкающий траву и мое лицо, вздрагивающие иголки на сосне, перемешанные ароматы трав и цветов, путешествующие вместе с ветром... А еще – малюсенький-премалюсенький гномик, всегда с поднятой в приветствии маленькой рукой, живущий в складках причудливого камня-грома, венчающего альпийскую горку. Каждый год, приезжая, я всегда посматриваю на его пещерку и очень боюсь, что он не выйдет из нее меня встречать. Нет, всегда на месте, всегда рад.

Участок хорошо спланирован, чувствуется во всем рука мужчины, хозяина, художника. Учитель мой – человек статный, под два метра ростом, крупного сложения. Волосы длинные с сединой, носит их, собирая в хвост. За бородой следит, обычно она небольшая. Открытый большой лоб подчеркивает в нем философа и мыслителя, а умные, выразительные глаза, говорят о человеке любящем и добром. Рубахи носит из хлопка и на выпуск и частенько прогуливается с посохом. Их в доме много, и каждый необычен: «Травниковские всё штучки», – говорят местные старожилы и эдак прищуриваются со знанием дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.